

УДК 159.923.31:316.624.3

К. В. Злоказов

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена эмпирическому исследованию роли типологических свойств в детерминации деструктивного поведения личности. Анализируются клинический и криминологический подходы в диагностике деструктивного поведения. Отмечается неточность в описании психологических свойств деструктов, затрудняющая прогнозирование, коррекцию и профилактику деструктивного поведения. Описываются процедура и ход эмпирического исследования индивидуально-типологических свойств в связи с уровнем деструктивности. Его результаты устанавливают влияние нейротизма и психотизма, а также психопатического и депрессивного типов личности на повышение уровня деструктивности. Исследование не обнаруживает влияние экстраверсии и интроверсии на деструктивность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деструктивное поведение, нейротизм, психотизм, криминальная личность, свойства личности.

Деструктивное поведение — междисциплинарный объект исследования ряда гуманитарных наук. Внимание к нему не ослабевает на всем протяжении развития психологической науки и усиливается в течение последних лет, о чем свидетельствует рост числа публикаций, посвященных проблеме деструктивности и деструкции [10]. Наряду с этим в изучении деструктивного поведения остаются неразрешенными несколько ключевых вопросов. Во-первых, не разработана целостная психологическая концепция деструктивного поведения; во-вторых, нуждается в уточнении представление о детерминации деструктивного поведения и стиле его реализации. Данная работа ориентирована на конкретизацию имеющихся знаний о деструктивном поведении и связанных с ним индивидуально-типологических особенностях личности.

Кратко обозначим современное представление о деструктивном поведении. Признак, отделяющий деструктивное поведение от других видов агрессивного, девиантного, криминального поведения, определяется сущностью слова «деструкция» — разрушение (от лат. *destruction* — разрушать). Деструктивное поведение человека направлено на разрушение социальных объектов [6, 61–73]. В зависимости от типа объекта оно может описываться как асоциальное, девиантное, делинквентное, криминальное. Исследователи по-разному описывают объекты разрушения, подразумевая под ними «социальные связи» [7, 130–135], «нормы, правила, принципы» [9, 90–94], «существующие объекты и системы» [3, 61–67]. По нашему мнению, объект деструкции может быть разделен на три вида — интраперсональный (внутриличностный, телесный), интерперсональный (межличностные отношения с конкретными людьми) и метаперсональный (общественные и государственные институты). Деструктивное поведение может быть направлено как на полное разрушение объекта, так и на разрушение отдельных его характеристик.

Методы деструкции предполагают прямые и косвенные манипуляции объектом с помощью физического и психического воздействия на него. Цели и методы деструкции находятся в тесной связи с психологическими особенностями лиц, склонных к деструктивному поведению (деструктов). В области изучения психологических особенностей деструктов дискуссионными на сегодняшний день остаются вопросы детерминации деструктивного поведения биологическими, социальными, индивидуальными, ситуативными предпосылками [1, 3, 7, 10]. Ряд исследований раскрывает роль нейрофизиологических факторов [22, 72], свойств темперамента [4, 12] и характера [7, 20] в формировании стиля деструктивного поведения, выборе объекта и методов деструкции.

Вместе с уже описанными теоретическими проблемами не менее актуальным является вопрос диагностики деструктивного поведения. В зарубежной и отечественной психологии нашли свое отражение два концептуальных метода изучения предпосылок деструктивного поведения — клинический и криминологический. Они базируются на методологии психиатрического и криминологического подходов к изучению лиц с отклонениями в поведении и, строго говоря, по своей сути не являются собственно психологическими.

В русле клинического подхода деструктивное поведение определяется в терминах расстройств (disorder), а его источниками выступают расстройство внимания, обусловленное его дефицитом либо гиперактивностью, оппозиционно-вызывающее расстройство, расстройство поведения. В DSM-V они описываются отдельно друг от друга, однако их признаки коморбидны, что влияет на результаты диагностики и коррекции [14]. Для изучения деструктивного поведения используются проявления расстройств: «невнимательность», «гиперактивность/импульсивность», «оппозиционность», «асоциальное поведение», «тревожность» [17]; признаки дезадаптации: «успеваемость», «проблемы поведения», «социальные проблемы» [18], «проблемы обучения», «семейные отношения» [15]. Подобные расстройства отмечаются у детей, подростков и молодежи. В зарубежной педагогической психологии на базе клинического подхода разработана классификация деструктивного поведения обучающихся. Она включает в себя описание взрывного (эксплозивного), асоциального, агрессивно-оборонительного, нарциссического, параноидного, сутяжнического, импульсивного типа поведения учащихся в аудитории [13]. В зрелом возрасте симптоматика гиперактивности, импульсивности и невнимательности, определяющая проблемы нарушения поведения детства, становится основанием для эмоциональных, межличностных и поведенческих реакций психопатического типа [19, 209–234].

Криминологический подход базируется на изучении психологических особенностей правонарушителя. Деструктивное поведение определяется по сфере отклонения (аддиктивное, агрессивное, противоправное, суицидальное) либо как элемент личности (криминальная направленность и мотивация, особенности свойств личности). При диагностике криминальной деструкции используются методы оценки типа и уровня пограничной организации психики (Миннесотский многофакторный личностный опросник (ММРП)), индивидуальных особенностей (Опросник пяти личностных черт (5РQ), Калифорнийский личностный опросник

(CPI)), психодинамических предпосылок криминализации (Личностный опросник Айзенка — (EPQ)). Зарубежными исследователями описываются свойства личности деструкта криминального типа: ригидность мышления, безответственность, отсутствие планирования на длительный срок, вера в силу, ощущение собственной уникальности, собственнические установки [21]. Для изучения деструктов криминального типа применяются специальные инструменты: шкала криминальных установок (Criminal Sentiments Scale (CSS)), шкала предпосылок криминализации (Antecedents to Crime Inventory (ACI)), шкала криминального мышления (Psychological Inventory of Criminal Thinking Scale (PICTS)) [5, 76–80]. Методики оценивают проявление в поведении людей стремления к силовому преодолению затруднений, внушаемости, замкнутости, конформизма, сентиментальности, сверхоптимизма, медлительности и дискретности мыслительных процессов преступников.

Обобщая, отметим, что клинический и криминологический подходы в диагностике деструктивного поведения базируются на оценке индивидуально-психологических свойств. Предметом клинической диагностики является оценка нарушений в когнитивной и эмоциональной сферах, а криминологической — поиск признаков криминальной организации личности, в том числе психопатического типа. При этом психопатический тип действий, по своей сути асоциальный, воплощает стремление преступника к удовлетворению потребностей за счет окружающих, пренебрежение законом.

Отсутствие систематизированного психологического конструкта в диагностике деструктивности проявляется в размытости и неконкретности психологической оценки лиц, склонных к деструктивному поведению. Так, деструкты криминального типа в ряде исследований обозначаются как обладающие высоким уровнем импульсивности, агрессивности, чувствительности и ранимости; их поведение характеризуется ригидностью и паранойальностью [1, 140–149]. Лица с деструктивным поведением характеризуются сензитивностью, эмоциональной лабильностью, невротичностью и импульсивностью, ригидностью и раздражительностью [11, 32–38]. Зарубежными исследователями юноши-деструкты с криминальным поведением описываются в признаках психопатического, отчужденного и импульсивного типов акцентуации характера [16, 15–23]. Психологическая характеристика деструктивных аддиктов включает в себя признаки реактивной лабильности, чувствительности, ранимости и возбудимости. Среди черт характера выделяются истероидность, демонстративность, враждебность, эгоцентричность, оппозиционность, подозрительность [12].

Приведенный перечень показывает, что описание психологических свойств личности деструктов различных видов — интраперсональной (суициденты), интерперсональной (убийцы по мотивам мести), метаперсональной (террористы) — совпадает. Приведенные примеры фиксируют нечеткость, неконкретность, а местами и противоречивость в определении психологических особенностей лиц, склонных к деструктивному поведению. Способом разрешения этого противоречия выступает определение связи индивидуально-типологических свойств личности в соотношении с деструктивным поведением.

Цель эмпирического исследования — определение индивидуально-типологических особенностей, характеризующих лиц с повышенным уровнем деструктивности.

Выборка и методы исследования. Исследование проводилось путем измерения индивидуально-типологических характеристик у лиц, характеризующихся высоким уровнем деструктивности. Деструктивность оценивалась двумя способами:

1) по типу поведения (в выборку включены лица, склонные к нарушению закона, проявляющие себя как агрессивные и конфликтные во взаимоотношениях);

2) по уровню показателя деструктивности. Он определялся с помощью стандартизованного интервью — вопросником «Анализ деструктивности личности» [6]. Вопросник измеряет уровень деструктивной активности опрашиваемых, а также определяет ее вероятные психологические причины, локализованные по четырем сферам — типологической, регуляторной, ценностной, адаптивной. В качестве индикатора деструктивной активности для испытуемых используется показатель «Уровень деструктивности», его значение интегрирует все показатели методики в один показатель. Текущая критериальная валидность показателя оценивалась на выборках лиц мужского пола, демонстрировавших деструктивное поведение. К ним относились суициденты ($n = 23$, $x = 298$, $\sigma = 12,3$); сотрудники внутренних войск МВД России, совершившие противоправные действия ($n = 41$, $x = 287$, $\sigma = 13,7$); лица, задержанные по подозрению в совершении насильственных преступлений ($n = 12$, $x = 281$, $\sigma = 13,9$); сотрудники правоохранительных органов, в отношении которых проводилась служебная проверка в связи с агрессивным, конфликтным поведением; разведенные; склонные к употреблению спиртных напитков ($n = 12$, $x = 279$, $\sigma = 14,1$). Отметим, что на «конструктивных» выборках значение показателя «Уровень деструктивности» значительно ниже ($x = 175$, $\sigma = 42,4$ для $n = 3270$).

Описываемые в статье показатели, их связи и отношения со свойствами личности получены на специально созданной выборке лиц мужского пола с повышенным уровнем деструктивности ($n = 92$, $x = 218$, $\sigma = 36,2$).

Для изучения индивидуально-типологических свойств личности использовались методики «Стандартизованный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ) Л. Н. Собчик, «Фрайбургский многофакторный личностный опросник (FPI)», «Личностный опросник Г. Айзенка (EPQ)», «Пятифакторный личностный опросник (5PFQ)» Р. Макрея, П. Коста. Значения показателей представлены в стандартизованном виде — Т-баллы, стены.

Статистический анализ осуществлялся путем определения корреляционной связи показателей опросников с показателем деструктивности, оценки их влияния на показатель уровня деструктивности методом однофакторного дисперсионного анализа, измерения эффекта влияния нескольких переменных на уровень деструктивности методом регрессионного анализа.

Общие результаты исследования. Корреляционный анализ позволил определить связи между индивидуально-типологическими показателями и уровнем деструктивности.

Увеличению деструктивности способствует повышение значений шкал СМИЛ: ипохондрии ($p < 0,02$), депрессии ($p < 0,001$), истерии ($p < 0,05$),

психопатии ($p < 0,001$), психастении ($p < 0,05$), шизофрении ($p < 0,05$) и гипомании ($p < 0,05$). Показатели шкал «маскулинность — феминность», «паранойя» и «интроверсия» значимой связи с показателем уровня деструкции не установили. Полученные результаты не противоречат современному представлению о связи личностных расстройств и деструктивности, а также подтверждают обоснованность применения процедур клинической диагностики деструктивного поведения. К сожалению, дизайн исследования не позволяет обратиться к оценке влияния пограничной организации личности на динамические и содержательные характеристики деструктивности. Вместе с тем однофакторный дисперсионный анализ подтверждает их влияние на уровень деструкции. Оно установлено по шкалам «Ипохондрия» (HS) ($F = 3,32$, при $p < 0,001$, в диапазоне от 71Т (Т-баллов ММРІ) и выше); «Депрессия» (D) ($F = 2,76$, при $p < 0,002$, в диапазоне от 61Т и выше); «Психопатия» (Pd) ($F = 4,83$, при $p < 0,001$, от 53Т и выше); «Психастения» (Pt) ($F = 4,15$, при $p < 0,0001$, 35Т и выше); «Шизофрения» (Sc) ($F = 3,53$, при $p < 0,001$, от 38Т); «Гипомания» (Ma) ($F = 4,93$, при $p < 0,001$, 51Т и выше). Увеличение значения Т-баллов по этим показателям соотносится с увеличением значения показателя «Уровень деструктивности», вплоть до максимального, зафиксированного в выборке. Регрессионный анализ определил тенденции в детерминации уровня деструктивности показателями шкал «Депрессия» (D) и «Психопатия» (Pd) ($F = 19,59$, $p < 0,001$; $R^2 = 0,36$, St. err. = 29,3). Возможно, депрессивные и психопатические тенденции обуславливают «клинические» предпосылки деструктивной активности выборки, поскольку опрашиваемые демонстрировали различные типы ее проявления, совершая как суицидальные, так и асоциальные действия.

Анализ типологических свойств личности по Г. Ю. Айзенку нередко применяется при описании психологических особенностей лиц с деструктивным поведением. В нашем исследовании установлено, что уровень деструктивности коррелирует с показателями нейротизма и психотизма и не обнаруживает связи с показателем экстраверсии-интроверсии. Эти результаты согласуются со сведениями о высоком уровне нейротизма и психотизма у лиц, отбывающих наказание за корыстные и насильственные преступления [2, 4, 92–94], и сведениями о положительном влиянии психотизма на деструктивное поведение обучающихся [20, 425–426].

Однофакторный дисперсионный анализ свидетельствует о влиянии на деструктивность нейротизма ($F = 6,03$, при $p < 0,0001$) и психотизма ($F = 2,012$, при $p < 0,05$), отсутствии статистически значимого влияния экстраверсии и интроверсии. Повышение уровня нейротизма с минимального до высокого сопровождается ростом уровня деструктивности с минимальных до средних и повышенных значений. Вклад психотизма в формирование деструктивности менее отчетлив по сравнению с нейротизмом. Объяснение этому видится в отсутствии в выборке лиц с высоким уровнем проявления психотизма. Это не позволяет в рамках данной работы решить задачу оценки вклада высоких уровней нейротизма и психотизма в детерминацию деструктивности.

Корреляционная плеяда показателей методики 5PQ («Большая пятерка») и деструктивности свидетельствует об их связи. Обособленность, импульсивность и эмоциональная неустойчивость увеличивают, а привязанность,

самоконтроль и эмоциональная устойчивость — снижают уровень деструктивности. Аналогично показателям методик СМЛ, EPQ с деструктивностью не связаны «Экстраверсия — интроверсия», не получила статистически значимой связи с деструктивностью шкала «Доброжелательность — враждебность». Однофакторный дисперсионный анализ обнаружил влияние показателей 5PQ — обособленности, импульсивности, эмоциональной неустойчивости — на уровень деструктивности. Так, высокие значения обособленности ($F = 2,043$; $p < 0,05$), импульсивности ($F = 2,89$; $p < 0,04$), эмоциональной неустойчивости ($F = 2,362$; $p < 0,001$) отмечаются у лиц с высоким уровнем деструктивности. Для определения эффектов, оказываемых на деструктивность показателями «Большой пятерки» был проведен регрессионный анализ. Он установил влияние двух личностных черт — «Обособленность» и «Эмоциональная неустойчивость» на показатель «Уровень деструктивности» ($F = 23,071$; $p < 0,0001$; $R^2 = 0,47$; Std. Error. 26,093). Несмотря на недостаточное значение коэффициента детерминации, полученная модель обладает эвристической ценностью. Она связывает уровень деструктивного поведения с социально обусловленными свойствами личности: доверие к окружающим, стремление к развитию межличностных отношений, ответственность за собственные поступки перед обществом. Тем самым модель предопределяет направление коррекции деструктивности путем развития социального доверия и социальной ответственности.

Использование методики FPI обусловлено направленностью ее шкал на диагностику свойств, важных для процесса социальной адаптации и регуляции поведения. Установлено, что с показателем деструктивности связаны «Невротичность» ($p < 0,02$), «Спонтанная агрессивность» ($p < 0,03$), «Депрессивность» ($p < 0,001$), «Раздражительность» ($p < 0,01$), «Уравновешенность» ($p < 0,05$) и «Эмоциональная лабильность» ($p < 0,05$). Не связаны с деструктивностью показатели «Реактивная агрессивность», «Открытость», «Экстраверсия — интроверсия», «Маскулинность — феминность». Однофакторный дисперсионный анализ определил влияние ряда показателей FPI на проявление деструктивности. Установлено, что высокий уровень деструктивности (от 240 баллов и выше) сопровождается уровнем невротичности в диапазоне 7–9 баллов ($F = 2,433$, при $p < 0,09$), депрессивности в диапазоне 8–9 баллов ($F = 6,895$, при $p < 0,001$), раздражительности в диапазоне 8–9 баллов ($F = 5,571$, при $p < 0,001$), уравновешенности в диапазоне 0–2 балла ($F = 2,403$, при $p < 0,005$), эмоциональной лабильности ($F = 3,547$, при $p < 0,0001$). Регрессионная модель выделила два показателя методики FPI, оказывающих совокупное влияние на рост уровня деструктивности: депрессивность и раздражительность ($F = 26,856$; $p < 0,0001$; $R^2 = 0,49$; Std. Error. 27,42). Таким образом, деструктивность может быть определена через низкую эффективность процессов регуляции социального поведения.

Выводы эмпирического исследования. Исследование отношения уровня деструктивности и типологических, психологических, личностных свойств позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Высокий уровень нейротизма и психотизма характерен для лиц с повышенным уровнем деструктивности. Поведенческие проявления, регистрируемые при

помощи методик 5PQ, СМЛ и FPI («Эмоциональная неустойчивость», «Эмоциональная лабильность», «Импульсивность», «Невротичность», «Раздражительность» и др.), демонстрируют аналогичное влияние на уровень деструктивности. Вероятно, в деструктивность нейротизм привносит неадекватную по уровню и характеру реакцию человека в ответ на оказываемое воздействие. Деструктивный и нейротический типы реагирования описываются в терминах эмоциональной неустойчивости, впечатлительности, озабоченности и беспокойства, склонности к раздражительности.

2. Психопатия и депрессия повышают уровень деструктивности. В рамках регрессионной модели, полученной на выборке исследования, депрессия и психопатия совместно способствуют росту уровня деструктивности.

3. Экстраверсия — интроверсия не связаны с уровнем деструктивности ни по одной из методик, применявшихся в исследовании (EPQ, СМЛ, FPI). Сведения о высоком уровне экстраверсии у деструктивных лиц, представленные в ряде публикаций, не находят подтверждения в рамках исследования.

4. Уровень маскулинности — феминности не влияет на деструктивность. Вместе с тем этот вывод может быть вызван и низкой валидностью 5-й шкалы СМЛ по отношению к изучению половых признаков поведения. По содержанию пунктов она оценивает культурные ролевые стереотипы «мужского» поведения в обществе: «предприимчивость», «избирательность и ограниченность круга интересов», «стремление к преодолению препятствий», «склонность к соперничеству». Феминность в диагностической модели шкалы обозначает недостаток маскулинности [8, 73].

5. Детерминация деструктивного поведения обусловлена социальными качествами личности — социальным доверием и ответственностью. По-видимому, они могут выступать регуляторами социального поведения, являться объектом оценивания при прогнозировании риска деструкции, а их уровень может быть целью психокоррекции у лиц, склонных к деструктивному поведению.

Проведенное исследование позволило поставить новые исследовательские задачи, нуждающиеся в эмпирическом решении: это оценка соотношения свойств личности и деструктивного поведения, определение характера медиации индивидуально-типологическими свойствами деструктивного поведения, уточнение влияния пограничных типов организации личности на деструктивное поведение, определение внутренней психологической структуры деструктивной личности.

Результаты исследования уточняют существующие представления о связи деструктивного поведения и индивидуально-типологических свойств личности, а также приводят к следующим теоретическим выводам.

Клинический и криминологический подходы могут оказаться неэффективными при решении психодиагностических задач, поскольку не позволяют соотнести психологические особенности деструкта с конкретным видом деструктивного поведения. При описании деструктов характеристики темперамента, характера, личностных черт не соотносятся с представлениями о деструктивном поведении, его проявлении и протекании. Это усложняет прогнозирование и психокоррекцию

деструктивного поведения, поскольку не устанавливает отчетливой связи между поведением и психологическими предпосылками к его возникновению. Для преодоления этого противоречия необходимо объединить существующие представления о деструктивном поведении в логику единой концептуальной модели.

Результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что индивидуально-типологические свойства могут выполнять роль медиаторов и модераторов в детерминации деструктивной активности. При этом их влияние гипотетически может являться как независимым, так и перекрывающимся либо представляющим. Дальнейшее эмпирическое исследование детерминации деструктивного поведения будет посвящено проверке этого предположения.

-
1. *Антонян Ю. М.* Преступный человек и личность преступника // Рос. криминол. взгляды. 2008. № 3.
 2. *Гнидин О. П.* Психологические особенности агрессивности и ее профилактика у субъектов из различных социальных сред : автореф. ... дис. канд. психол. наук. Ставрополь, 2008.
 3. *Гребенщикова Л. Г.* К вопросу о соотношении понятий «деструктивное», «агрессивное» и «девиантное» поведение // Социосфера : сб. конф. НИЦ. 2011. № 19.
 4. *Зайченко А. А., Краснощеков А. С.* Особенности темперамента и дерматоглифики осужденных за насильственные преступления // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 1 : Педагогика, психология, социология и методика их преподавания.
 5. *Злоказов К. В.* Стили криминального мышления как диагностический конструкт // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1.
 6. *Злоказов К. В.* Деструктивность и идентичность личности // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. № 1.
 7. *Клейберг Ю. А.* Типология деструктивного поведения // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2008. № 1.
 8. *Кочарян А. С.* Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/феминности в норме и патологии). Харьков, 1996.
 9. *Ларионова С. О.* Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема // Фундамен. исслед. 2013. № 11.
 10. *Смирнов А. В.* Глубинно-психологические компоненты предрасположенности к аддиктивному поведению в структуре интегральной индивидуальности // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 12 : Психология, социология, педагогика. 2010. Вып. 3.
 11. *Суханова А. А.* Феномен деструктивного поведения: категориально-понятийный и библиометрический анализ [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE.RU. 2014. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1421145889> (дата обращения: 19.02.2015).
 12. *Целиковский С. Б., Абакумова И. О.* Делинквентная (криминальная) личность и психическая саморегуляция // Северо-Кавказ. психол. вестн. 2008. Т. 6, № 3.
 13. *Черепкова Е. В.* Преморбидные личностные особенности у лиц, употребляющих наркотические вещества // Сиб. вестн. психиатрии и наркологии. 2009. № 3(54).
 14. *Amanda G.* Coping with seven disruptive personality types in the classroom. Madison, WI : Magna Publications, 2010.
 15. American Psychiatric Association. (2013). Diagnostic and statistical manual of mental disorders (5th ed.). Arlington, VA : American Psychiatric Publishing.
 16. *Conners C. K.* (2008). Manual for the Conners Rating Scales-3rd edition. North Tonowanda.
 17. *DiLallo J. J., Jones M., Westen D.* Personality subtypes in disruptive adolescent males // Journal of Nervous and Mental Disease. 2009. Vol. 197.

18. *Erford B. T.* The Disruptive Behavior Rating Scale (DBRS) – Parent and Teacher Version manual. East Aurora, N. Y., 1993.
19. *Erford B. T.* Balcom, L., & Moore-Thomas, C. (2007). The Screening Test for Emotional Problems (STEP): Studies of reliability and validity. Measurement and Evaluation in Counseling and Development. Vol. 39.
20. *Lynam D. R.* (1996). Early identification of chronic offenders: Who is the fledgling psychopath? // Psychological Bull. Iss. 120.
21. *Saklofske D. H.* (1977) Antisocial behavior and psychoticism in adolescent schoolboys. Psychological reports. Vol. 41, Iss. 7.
22. *Zlokazov K. V., Pavlov Yu. G.* Neural basis of personality destructiveness // Psychophysiology. 2014. T. 51, № S1.

Рукопись поступила в редакцию 4 марта 2015 г.